

славистов в Братиславе (Лилич, Мокиенко, Степанова 1993, 54-58): 1) фонетические и словообразовательные расхождения; 2) расхождения в составе разных языков; 3) различия в семантическом объеме тождественных библеизмов; 4) расхождения, возникшие в ходе дальнейшей эволюции тождественных для сопоставляемых языков библеизмов.

6. Таким образом, можно утверждать, что революции в сфере употребления библеизмов в русском и других славянских языках с перестройкой и постперестройкой все-таки не произошло. Лингвистический их анализ приводит к достаточно определенному выводу. И межъязыковые сопоставления, и историко-этимологические экскурсы, и наблюдения за современными мутациями библеизмов в тексте обнаруживают функциональный аналогизм соответствующих их ипостасей и дают возможность проследить динамику этого древнего культурного - а потому и интернационального - пласта в разных языковых системах.

КЛИШЕ И ШТАМПЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Т.М.Николаева, И.А.Седакова

Институт славяноведения и балканистики РАН

Анализ клише в докладе связывается нами прежде всего с системой социально ориентированных ситуаций и с социальной стратификацией русского советского и постсоветского общества. К клише и штампам мы относим перцептивно маркированные компоненты высказывания, которые воспринимаются как инкрустация, как вставка чужого текста, не относящегося к свободно порождаемой речи. Таким образом, клишированными в нашем понимании являются и "старые", и новые фразеологизмы (*бить баклуши; до лампочки*), советизмы (*закрома Родины*), сленгизмы (*корка*), крылатые фразы (*Счастливые часов не наблюдают*) и многое другое. Формально клише может представлять собой одно слово, словосочетание или даже развернутую ци-

тату (любого происхождения - афоризм, пословицу, лозунг, призыв из прошлых лет, вербальный компонент рекламы и т.д.).

За каждым языковым штампом стоит целый комплекс коннотаций, актуализирующихся в зависимости от интенции говорящего, типа коммуникации, адресата речи и т. д. Необходимо отметить исключительное многообразие функций клише в речи и их диаметрально противоположные стилистические возможности: например, непреднамеренное, автоматическое употребление присловья (слова-паразита, ругательства и др.) и сознательный политический или риторический прием включения в речь цитаты (ср. огромное количество клише в заголовках сегодняшней прессы и в речи журналистов и политических деятелей и др.). Клише в коммуникации может использоваться как средство защиты или, наоборот, нападения (обвинение, форма социального протеста), как знак вхождения говорящего в "свой" социум или наоборот его отчужденности и т. д.

Естественно, что включение в речь клише и обыгрывание разного рода цитат и аллюзий - это диахроническая универсалия. Однако каждый этап развития языка, имеет свои особенности в использовании речевых стереотипов, не говоря уже о том, что новое время и новые люди создают новые клише (в том числе авторские: *помыть сапоги в Индийском океане* - В.Жириновский). При анализе функций клише в русском языке посттоталитарной эпохи необходимо учитывать тот факт, что за последние годы значительно изменился языковой узус. Естественное стремление изжить советскую картину мира и изменить отражающий ее язык вылилось в несколько тенденций, имеющих разную направленность (обращение к западным штампам и одновременно возврат к идиомам дореволюционной России и т.д.). Важную роль здесь играет и то, что отказ от официального советского языка (*langue de bois*) обусловило большую фривольность стиля массовых средств информации, что, безусловно, оказывает сильное речевое воздействие, особенно на молодежь, не испытавшую на себе длительного процесса

идеологической обработки. Кроме того, в посттоталитарное время сложились новые стереотипные речевые ситуации (в частности, с введением новых рыночных реалий, хождением валюты "ближнего и дальнего зарубежья") и даже идеолекты (например, "челноков" и многочисленных уличных торговцев).

Клише - это не пласты перечислимых сочетаний, а многоярусная и сложноорганизованная система, разнообразные функции которой, как мы постараемся показать далее, могут быть все же эксплицированы. Разобраться в употреблении и функционировании клише и штампов в речевом узусе можно, лишь развернув все члены семиотической оппозиции СВОЙ-ЧУЖОЙ. Характеристика использования клише с точки зрения говорящего (а не реципиента, поскольку это отдельная тема и предполагает изучение функций клише и штампов в диалоге) дает нам следующие возможности: СВОЕ ДЛЯ СВОЕГО; СВОЕ ДЛЯ ЧУЖОГО; ЧУЖОЕ ДЛЯ СВОЕГО; ЧУЖОЕ ДЛЯ ЧУЖОГО. Весьма вероятно, что дальнейшее изложение материала в свете указанной квалификации клише в речи будет в ряде случаев оспариваться. Кроме того, безусловно, мы накладываем дискретную сетку описания на континуум языкового материала, по существу недискретный.

1. СВОЕ ДЛЯ СВОЕГО. Речевое общение подростков с включением сленгизмов и цитат, коммуникации коллег или родственников (если они направлены на достижение взаимопонимания) можно рассматривать именно как утверждение принадлежности к "своей" социальной, поло-возрастной или иной группе. "Свои" клише могут подхватываться и развиваться собеседниками. Этот прием часто используется радио- и тележурналистами в беседах с гостями студии, например: Психолог: *"Ведь у нас как считают - "Курица не птица"...* Журналист: *"Женщина не человек"*.

К этой же группе мы относим многие клише-комментарии, произнесенные "для себя" как мысли вслух, не предназначенные для широкой публики. В наши дни значительную часть подобных реплик произносят в момент возмущения (преимущественно быстро растущими ценами) или удивления:

С ума сойти! Обалдеть можно! Ни фиги себе! (Выбор конкретного клише обусловлен возрастом, интеллигентностью, полом и т.д. говорящего).

2. СВОЕ ДЛЯ ЧУЖОГО. Этот тип узуса клишированных речений функционально разнообразен и активно пополняется в наши дни. В советское время официальные публичные (как устные, так и печатные) тексты целиком состояли из клише и были содержательно неинформативными. Стилистика этого языка (в частности, использование штампов) была использована в Заявлении ГКЧП в августе 1991 года и сразу же воспринята как "чужая" и "чуждая", ср. также мгновенное распознавание новейших демагогических штампов (*корректировка курса* и др.), что, хочется верить, свидетельствует о невозможности использования подобных речевых ситуаций в будущем. Однако привычная политизированность, стремление "импринтировать" свои клише в сознание реципиента, вписывается в более широкую систему социального "воспитания", которое широко распространено в российской системе обслуживания, сохранившееся и в наше время (ср. штампы вроде *вас много, а я одна; у вас что, глаз нет; там все написано* и т.д.). Посттоталитарное время должно было ввести новые глубинные установки, однако тенденция нахамить как пережиток советского менталитета осталась и появились новые клише-маскировка под заботу о финансовом состоянии клиента (обычно при обращении к пожилым и скромно одетым людям): *А вы знаете, почему это?; А вы цену видели?* и т.д.

Подобной же установкой "своего на чужое" является эпатирующая манера молодых обращаться к людям иного статуса с высказываниями, неполное понимание которых неминуемо должно ставить реципиента в тупик. Ср., например, вызвавший гнев учительницы ответ шестиклассника на вопрос, придут ли его родители на собрание - *"А я щас с бабками тусуюсь"* (т.е. родители в командировке, он остался с бабушками).

3. ЧУЖОЕ ДЛЯ СВОЕГО. Эта семиотическая характеристика реализуется во множестве коммуникативных

ситуаций, связанных как с отсутствием речевой культуры (вкрапления не-своей стилистики у носителей просторечия, неверный контекст для фразеологизма и мн. др.), так и с языковой игрой или с речевой маской. Советизмы (в докладе они исследуются очень подробно) могут присутствовать в беседах журналистов на традиционные "советские" темы, например, в репортаже об Олимпиаде, где вводные слова создают эффект раскрытия диглоссии: *Как говорили во времена Л.И.Брежнева, "Олимпийский год не только для олимпийцев"*; *Как говорили раньше: "Триумф советского спорта"*. В рамках этой оппозиции анализируются такие явления, как цитирование реклам и создание новых анекдотов на их основе, использование банковских, компьютерных и иных терминов и клише в речи детей и подростков и др.

4. ЧУЖОЕ ДЛЯ ЧУЖИХ. Легко предположить, что подобный тип клише практически маловероятен и даже чем-то опасен: вставление ИХ выражений для НИХ (словесная мимикрия) может (могло) быть воспринято как насмешка; вставление же официальных штампов в официальные тексты не является цитированием "чужого".

В заключение отметим, что в зависимости от объекта коммуникации, от просодических характеристик, даже от мимики говорящего и т. д. одно и то же клише может переходить из "чужого" поля в "свое" и наоборот. Интересный пример с этой точки зрения представляет собой речь "Элочки-людоедки" из романа И.Ильфа и Е.Петрова "12 стульев": ее обращение к мужу находится в рамках ситуации "свое для чужого", а диалог с Остапом Бендером трансформируется в "свое для своего". Ср. также использование идеологических клише членами РКП и прочтение этих штампов другими политическими деятелями и мн. др.